

Цивилизация — шкатулка смыслов

А.И. Соловьев,
доктор политических наук

Я бы хотел остановиться только на трех тезисах. Первый: ни одно понятие не сохраняет раз и навсегда заданное при его концептуализации единое смысловое содержание. Поэтому темпоральная развертка тех или иных когнитивных конструкций всегда отражает его эволюцию, насыщение новыми коннотациями. При этом какие-то смыслы остаются, но уходят на периферию этого понятия, какие-то исчезают вовсе, а что-то добавляется вновь. Так и с «цивилизацией». Когда-то этому понятию придавались одни ключевые смыслы, а сейчас востребуются другие, которые ранее обладали вполне периферийным статусом. Поэтому те коллеги, которые настаивают на приоритете одних параметров, на деле отнюдь не противоречат своим оппонентам, которые оттеняют просто иные характеристики. К примеру, В.М. Межуев прав в том, что термин «цивилизация» всегда содержит противопоставление дикости и варварству. То есть, это сквозное значение понятия, которое всегда отражает дистанцию более развитых и менее развитых народов при взаимодействии с природой, другими социальными организмами. И это противоречие было, есть и будет, поскольку и сегодня мы наблюдаем — уже в условиях глобализации — тот же разрыв в развитии разных стран. И, к примеру, термин «глокализация» ясно показывает, что разные страны — в соответствии с неодинаковым уровнем своего развития — по-разному отвечают на глобальные, трансграничные вызовы. То есть, терминологическое оформление может быть несколько иным, а смысл — тем же самым. Ведь и в рамках современного состояния можно прибывать в

дикости, варварстве или же, напротив, адекватно (т. е. цивилизованно) отвечать на современные вызовы.

Второе. Модель, которую использует С.С. Сулакшин, мне чисто практически ближе, поскольку в ней присутствуют подходы среднего уровня. То есть, речь идет уже о социокультурном содержании различных цивилизаций как неких социальных локалитетов. В этом смысле я могу интерпретировать цивилизацию как определенный глубочайший (для той или иной общности) ценностно-поведенческий комплекс (который, кстати, тоже обладает своей формой реакции на глобальные вызовы). И в этом плане обозначать ту или иную форму культуры как некую цивилизацию тоже можно безо всяких ограничений. Только тогда это отразит культурную мозаичность мира, ту устойчивую характеристику социальной эволюции, которая всегда сопровождала и сопровождает развитие человечества. Короче, множественность (крупных и мелких) цивилизаций отражает неизбежный мировой мультикультурализм. И это тоже константная характеристика данного понятия.

Другое дело, что методология анализа русской цивилизации, использованная докладчиком, представляется мне крайне мифологичной. Я понимаю, что русские любят приобедняться. Это, наверное, традиционная привычка. Но она одновременно прикрывает серьезные теоретические вещи. Ведь, если вдуматься, в чем пафос идеи С.С. Сулакшина относительно того, что цивилизационные очертания России подвергаются какой-то внешней агрессии? Думаю, это отражает не злой умысел «коварного Запада», а отражает более глубокий исторический факт, а именно то, что массовые ценностно-поведенческие реакции нашего населения оказываются нежизнеспособными в новых условиях. И если население других стран более оперативно перестраивается в плане использования более рациональных моделей поведения, отвечающих на современные вызовы, то у нас это не получается. Отсюда и возникают все эти вековечные стоны об «ущемлении» национальных интересов, «заговорах», «происках» и

прочие поиски виноватых в наших бедах. Вот Д.С. Чернавский, например, уповает на потенциал дологического мышления (способного предложить выход из кризисной ситуации). Может быть. Правда, вся мировая практика показывает, что крупные социальные общности реагируют на внешние вызовы *рационально*, выстраивая соответствующие институты и структуры, способные предотвращать угрозы и риски. Возможно, когда-нибудь в недрах какой-то цивилизации и сложится некая внелогическая система власти или организации общества. И тогда люди смогут не переходить на рациональные формы ответа на вызовы, не ломать свои культурные привычки, а жить, как живется. Я, правда, в такие футурологические модели не верю и даже теоретически не допускаю такого состояния общества, ибо человеческая жизнь всегда изначально связана с борьбой за ресурсы, с противоборством со стихийными силами (природы и общества). И ничего другого, кроме разума, человек здесь использовать не может.

Поэтому третий момент тоже оказывается методологическим. Те, кто верит в розовую мечту о бесконфликтном обществе и окончании борьбы за ресурсы (забывая хотя бы про то, что существуют и идейные, духовные ресурсы, также обуславливающие соперничество и борение людей друг с другом), напрасно тратят силы на эти мифологические конструкции. Лучше трезво учитывать реальные факторы, влияющие на жизнь человека и эволюцию тех же цивилизаций. Вот, к примеру, С.С. Сулакшин нарисовал нам весьма романтическую линию поступательного развития мирового сообщества. Но почему-то забыл про природу. А что, если в 2012–2014 гг. случится климатический кризис (о чем нам постоянно напоминают)? Разве тогда этот коэволюционный поток, даже чисто теоретически, сохранит свою направленность? Одним словом, отбор и селекцию исходных параметров для построения прогнозных презумпций надо осуществлять в рамках более продуманных схем и моделей. Тем более, если их хотят использовать для оценки динамики ценностно-поведенческих образований.